

Внимательный читатель наверняка заметит, что имя главного героя содержит отсылку к Элджернону Блэквуду, одному из наших любимых авторов и родоначальнику жанра мистического детектива. Хотя кое-какие ритуалы мы слегка приукрасили для пущего драматизма, прочие ошибки, если таковые имеются, допущены ненамеренно. Однако хотелось бы подчеркнуть: ограбление могил в Нью-Джерси для оккультных целей отнюдь не вымысел и не пережиток прошлого. Это действительно происходит. Сейчас.

Предисловие: Ящик

В финансовом квартале Манхэттена, между домами тринадцать и пятнадцать по Стоун-стрит, есть закуток, зарегистрированный по адресу: 13½ Стоун-стрит.

Шириной фута четыре и выложенный из колониального камня, закуток втиснут между зданиями и обрывается в тридцати футах над землей. Единственная его обозримая функция — служить опорой для неприметного почтового ящика времен Эдуардов.

На ящике нет ни гравировок, ни отличительных признаков — лишь огромная прорезь для конвертов. На чугунных стенках не видно ни дверцы, ни замочной скважины, чтобы доставать почту.

Позади ящика — глухая стена из камня и цементного раствора.

Право собственности на этот загадочный элемент благоустройства датируется эпохой голландских колонистов, а с 1822 года все налоги и издержки на его содержание аккуратно оплачиваются фирмой «Ласк и Джарндис». До тех пор ящик существовал

только на бумаге, но в строгом соответствии с буквой закона.

Первое официальное упоминание ящика встречается в памфлете, опубликованном в эпоху, когда Нью-Йорк еще звался Новым Амстердамом: «Полная летопись злоклучений Яна Катадрёффе и его чудесного вознесения в Царство Божие». В четырехстраничном памфлете, выпущенном издательством «Лонг и Блэквуд» (ин-фолио, 1763 год), богатый торговец пряностями, опасаясь за судьбу своих кораблей и груза, заключает сделку с дьяволом.

Корабли благополучно прибывают в порт, однако после злой дух срывается с цепи и начинает каждую ночь терзать торговца — кусает его, царапает в кровь спину, скачет на бедняге, словно наездник. Истерзанный плотью и душой грешник отчаянно кричит и совершает бесчеловечные деяния.

В разгар драмы скромный прихожанин говорит ученому священнику, мол, спасти заблудшую душу можно.

«...Ответ на мольбы найдешь ты в ящике железном на Хай-стрит. Письмо на имя Блэквуда опустишь в щель. И в двухнедельный срок повержен будет зверь...»

Однако святой отец пренебрегает советом, возлагая все надежды на Господа и церковные обряды. Катадрёффе оплачивает бесчисленные мессы и перед смертью успевает искупить грехи.

На кладбище церкви Святой Троицы, со стороны Ректор-стрит, есть неприметное надгробие. Эпитафия на могильном камне гласит:

*Здесь покоится прах Яна Катадрёффе,
усопшего торговца пряностями и древесиной,
почившего 16 октября 1709 года
в возрасте сорока двух лет.*

*Остановись, узри, о путник!
Я прежде был таким, как ты.
Во мне увидь свой срок грядущий
И двери смерти отвори...*

За столетия своего существования 13¹/₂ Стоун-стрит неоднократно становилась предметом судебных тяжб — административных, корпоративных и прочих. Но всякий раз участок удавалось отстоять, пусть и дорогой ценой. Почтовый ящик остается незыблемым — извечная загадка у всех на виду. Редкий прохожий достаивает его взглядом.

Десять лет назад крупная страховая компания, расположенная через дорогу, установила на фасаде три камеры наблюдения. Внимательный дежурный подтвердит — примерно раз в три недели в ящик опускают письма. Но вот какая странность — почту никогда не забирают, а корреспонденция не вываливается наружу.

За свое многовековое существование ящик так и не приоткрыл завесу тайны, доподлинно известно одно: каждое опущенное в ящик письмо — это крик отчаяния, исступленная мольба о помощи, и на каждом конверте стоит одно и то же имя:

Хьюго Блэквуд, эсквайр.

2019 год. Ньюарк, штат Нью-Джерси

Одесса отложила меню и оглядела «Поварешку» в поисках перечня фирменных блюд. Искомая табличка обнаружилась у кассы. Красные печатные буквы на белом фоне воскресили давно забытые воспоминания об учебе в Академии ФБР в Куан-тико, штат Виргиния.

Преподаватель поведенческой психологии красным скрипучим маркером выводил на доске определения типов убийств.

По словам педагога, различались они не степенью жестокости, способом и манерой, а периодами затишья.

Отличительная черта серийных убийц — их цикл. Между убийствами могут пройти недели, месяцы и даже годы.

Массовый убийца действует в единых территориальных и временных рамках, число жертв не менее четырех, интервалы между преступлениями минимальные, а иногда сводятся к нулю.

Неистовый убийца действует на разных территориях в короткий промежуток времени, период

затишья может составлять от часа до нескольких дней или недель. Сюда же относится цепной убийца — одиночка, убивающий массово за один присест.

Две последние категории во многом пересекались. Один из таких спорных случаев, официально признанный первым цепным убийством в США, произошел в семидесяти пяти милях к югу от кафе, где сидела Одесса.

Шестого сентября 1949 года Говард Унру, двадцативосьмилетний ветеран Второй мировой, вышел из дома матери в Камдене, штат Нью-Джерси, одетый в парадный костюм и полосатый галстук. За завтраком Говард крупно поскандалил с матерью. В панике женщина убежала к соседям и сбивчиво поделилась с ними предчувствием беды.

Унру отправился на прогулку, вооруженный немецким «люгером» с магазином на тридцать девятимиллиметровых патронов. За двенадцать минут он убил тринадцать человек, еще троих ранил. Жертвами стали посетители аптеки, парикмахерской и ателье. Хотя впоследствии убийство признали преднамеренным — у Говарда обнаружили дневник с перечнем врагов, — от пуль пострадали не только намеченные цели, но и бедолаги, подвернувшиеся убийце под руку в тот злополучный вторник. По словам свидетелей кровавой расправы, Унру как будто находился в трансе и стрелял куда придется.

Для человека, далекого от правоохранительных структур, классификация преступлений не играет роли. Главное, что на протяжении шестидесяти

с лишним лет леденящая «прогулка смерти» Унру оставалась самым жестоким цепным убийством в Нью-Джерси.

Свой статус она сохраняла вплоть до вечера, когда Уолт Леппо заказал мясной рулет.

— Рулет с пылу с жару? — поинтересовался вернувшийся из уборной Уолт у молоденькой официантки.

— Разумеется.

— Тогда сделайте одолжение, посмотрите, не завалялась ли у вас пара кусочков с бизнес-ланча. Желательно пролежавшие под инфракрасной лампой часа три. В общем, чем суше, тем лучше, с горелой корочкой.

Официантка замерла, гадая, не издеваются ли над ней. Девушка явно подрабатывала в свободное от учебы на юрфаке время. Одесса хорошо помнила, как на третьем курсе Бостонского юридического университета подвизалась официанткой. Сколько неприятных моментов ей пришлось пережить, выслушивая от клиентов мужского пола завуалированно похабные, граничившие с фетишизмом заказы? Похоже, существовала определенная категория мужчин — преимущественно холостых, — мечтавших видеть в меню женщин, а не стандартные блюда.

Перехватив умоляющий взгляд официантки, Одесса, сидевшая напротив Леппо, попыталась изобразить на лице ободрительную улыбку.

— Уточню у повара, — пробормотала девушка.

— Спасибо. — Уолт протянул ей меню. — Кстати, я предпочитаю горбушки.

Девушка засеменила на кухню.

— Раньше горбушки назывались пятками, — сообщил Уолт Одессе.

Та глубокомысленно кивнула и промурлыкала:

— Классический серийный убийца.

Уолт пожал плечами:

— Только потому, что я люблю мясной рулет по маминому рецепту?

— Силы небесные! Да тут бонусом оральная фиксация.

— К твоему сведению, Десса, сексуальный подтекст можно найти везде. Даже в мясном рулете.

— Спорим, ты и тосты пережариваешь.

— До углей. Но разве вас не инструктировали, что новичкам не разрешено составлять профиль агентов-ветеранов?

Оба как по команде обернулись, когда по панорамному окну «Поварешки» застучали первые капли дождя.

— Не было печали, — проворчал Леппо.

Одесса открыла на телефоне приложение погоды. Подобно ядовитому облаку, на Ньюарк надвигалось скопление осадков в изумрудных и мятных тонах. Одесса развернула телефон так, чтобы Леппо мог видеть экран. Ее зонтик вместе с двенадцатикалиберным «Ремингтоном-870» преспокойно лежал в багажнике машины, припаркованной за полквартала.

— В Джерси льет, как на собаку из шланга, — изрек Леппо, раскладывая салфетку. — Сплошная сырость и никакого проку.

Одесса с улыбкой проглотила очередной «леппоизм» и посмотрела в мокрое стекло. Редкие прохожие ускорили шаг, торопясь обратиться восвояси.

События набирали скорость.

Как позже выяснилось, пока Леппо терзал официантку своими кулинарными пристрастиями, в десятке миль к северу от Ньюарка Эван Аронсон завис на удержании вызова и наслаждался рок-музыкой семидесятых. Страховая компания не спешила брать трубку, а Эвану не терпелось узнать, в какую сумму ему выльется недавний визит в травм-пункт. Двумя неделями ранее на встрече выпускников Рутгерского университета ребята из братства затеяли коронные прыжки через биотуалет, и Аронсон порвал левый бицепс, пытаясь поймать соседа по общежитию Брэда «Бумера» Бордонски, хотя тот за десять лет набрал фунтов тридцать веса.

Под аккомпанемент бессмертного хита Стикса Эван оторвал взгляд от своего стола в представительстве «Чартерных авиалиний» аэропорта Тетерборо и увидел, как из частного ангара выкатилось последнее слово техники — поршневым двухдвигательный «Бичкрафт барон G58». Из кабины самолета ценой в миллионы долларов выбрался пилот — высокий, лет пятидесяти, в серых спортивных штанах, свитере с длинным рукавом и сандалиях.

Сопровождаемый ревом турбин, мужчина вновь двинулся в ангар, успев перемолвиться парой слов с механиком. Очевидно удовлетворенный беседой, механик отправился восвояси, пилот же вернулся на взлетную полосу с огромным разводным ключом. Эван озадаченно нахмурился — капитаны, а тем более владельцы самолетов всегда доверяли ремонт профессионалам, особенно при работающих двигателях мощностью в триста лошадиных сил и стремительно вращающихся пропеллерах. Эван привстал с кресла — левая рука на перевязи, правая сжимает трубку телефона, соединенного (как того требовали радиочастотные инструкции) шнуром с базой на столешнице.

Сквозь завывание турбин раздался отчетливый хлопок — и скрежет.

Звук повторился. Эван вытянул шею, сиюсья разглядеть пилота, орудовавшего под фюзеляжем. Появившись в зоне видимости, летчик двинулся к крылу и ударом ключа снес сигнальную лампу — красный пластиковый корпус разлетелся вдребезги, осколки посыпались на взлетную полосу, лампочка погасла.

Эван громко икнул: какое кощунство уродовать самолет ценой в миллионы долларов! Телефонный шнур натянулся до предела, лирическая мелодия «Леди» являла дикий контраст с беспрецедентным актом вандализма за окном.

Владельцы баснословно дорогих частных лайнеров берегли свои детища как зеницу ока, холили

и лелеяли их, словно гоночные автомобили. Лупить по ним гаечным ключом — все равно что выковыривать племенному скакуну глаза отверткой.

А вдруг доходяга в свитере вовсе не владелец, а злоумышленник, задумавший нанести самолету многотысячный урон? Или вообще угонщик?

— Мистер Аронсон, я ознакомился с вашими документами, — раздался голос страхового консультанта, но Эван уже уронил трубку на пол; лишившись натяжения, шнур запрыгнул обратно на столешницу.

Эван опрометью выскочил из офиса под острые струи дождя и стал лихорадочно озираться по сторонам в поисках подкрепления.

«Пилот» разгромил последнюю лампочку, и самолет погрузился во мрак. Лишь крохотный огонек сигнализации озарял окрестности.

— Эй! — завопил Эван, размахивая здоровой рукой. — Эй! — надрывался он в надежде привлечь внимание вандала и кого-нибудь из сотрудников с двумя функционирующими руками.

Механик из ангара бросился к нарушителю и через мгновение забился в предсмертных судорогах, сраженный тремя ударами ключа в правый висок.

Пилот опустился на корточки и принялся методично расплющивать пробитый череп — ни дать ни взять питекантроп, приканчивающий добычу.

Эван в ужасе застыл. Мозг отказывался воспринимать чудовищность увиденного.

Ключ со звоном полетел в сторону. Пилот подошел практически вплотную к вращающемуся лево-

му пропеллеру, обогнул его и взобрался в стеклянную кабину.

Самолет дернулся и покатился вперед.

После разгрома единственным источником света служила бортовая электроника. В зеленовато-голубом мерцании жидкокристаллического монитора «Garmin G1000» пилот смахивал на инопланетянина.

Эвана поразил его мертвый, невидящий взгляд. Словно сомнамбула, пилот потянулся за чем-то вне поля зрения наблюдателя. Внезапно правое боковое стекло озарилось яркими вспышками и разлетелось вдребезги. Пули, выпущенные из АК-47, острыми гвоздями впились в тело Эвана. Колени у него подкосились, он повалился навзничь, стукнувшись головой об асфальт.

Когда погруженный во тьму «бичкрафт» свернул на рулежную дорожку, Эван отошел в мир иной.

Одесса заказала мясной салат — без лука, чтобы не чувствовать весь вечер мерзкий привкус. И обязательно кофе — коронный напиток агентов ФБР, особенно в середине смены.

— Ты в курсе, что в ресторанах основное количество человеческих экскрементов сосредоточено на меню? — спросил Леппо, едва официантка удалилась.

Одесса достала из сумочки антисептик и водрузила на стол с гримасой шахматиста перед решающим поединком.

Леппо ей явно симпатизировал. Будучи отцом взрослой дочери, он все прекрасно проектировал и понимал, а потому охотно взял новенькую под крыло. В ФБР напарников не назначали. Леппо стремился посвятить ее в тонкости работы, объяснить правила игры, а Одесса горела желанием учиться.

— Мой отец тридцать лет торговал кухонными принадлежностями в пяти округах, пока не отказал мотор, — доверительно сообщил Леппо. — Он не уставал повторять: хороший ресторан начинается с уборной. Лучшего совета для новичка, оттрубившего всего три года, не придумать. Если в уборной чисто, опрятно, трубы не текут, тогда и еда будет на уровне. Знаешь почему?

Одесса догадывалась, но не стала мешать напарнику разглагольствовать.

— Все просто. Туалеты дряют низкооплачиваемые эмигранты из Чили и Сальвадора, они же убивают и кухню. Вся индустрия питания — да и цивилизация в целом — зиждется на этих пчелках.

— Надо сказать, они неплохо справляются, — заметила Одесса.

— Герои. — Леппо отсалютовал кофейной чашкой. — Еще бы уделяли внимание меню, им бы вообще не было цены.

Одесса с улыбкой отправила в рот порцию салата и, ощутив привкус лука, досадливо поморщилась.

Первый экстренный звонок поступил из аэропорта Тетерборо, откуда без разрешения вылетел частный борт. Самолет взмыл на восток, в сторону

Муначи, и по шоссе 95 устремился к реке Гудзон. Числящийся в угоне лайнер двигался хаотичным курсом, он то набирал, то терял высоту, периодически исчезая с радара.

Портовое управление Нью-Йорка и Нью-Джерси объявило тревогу. По распоряжению Федерального агентства воздушного транспорта аэропорт Тетерборо закрыли, отменили все вылеты, а входящие рейсы перенаправили в Линденский муниципальный аэропорт — маленький аэродром на юге Нью-Джерси, предназначенный преимущественно для экскурсионных туров и вертолетов.

Первым гражданским лицом, обратившимся в службу спасения, стал штурман баржи на Гудзоне. По его словам, менее чем в миле к югу от моста Вашингтона баржу едва не протаранил самолет без сигнальных огней, издававший «странные хлопки». Как будто пилот швырял в судно петарды, и перепуганный штурман опасался, не началось ли вдруг «второе одиннадцатое сентября».

Следующий звонок раздался от администратора бутика, возвращавшегося домой в Форт-Ли через мост Вашингтона. Администратор сообщил об «огромном дроне», который направлялся в Верхний Западный Манхэттен.

Шквал звонков от обитателей Манхэттена не заставил себя ждать. Люди видели самолет, паривший в опасной близости от их домов и офисов. Посетители Центрального парка слышали рев двигателей, удалявшийся по направлению к Пятой авеню, однако из-за отсутствия бортовых огней затруднялись описать источник звука. Судя по донесениям,

«Бичкрафт» пересек Нижний Манхэттен, развернулся над Гринвич-Виллидж и вернулся на Гудзон.

Паром до Статен-Айленда успел поравняться со статуей Свободы, когда на его корму спикировал объятый тьмой лайнер. Единственными проблесками света были автоматные очереди, выпущенные из правой части кабины пилота. По оранжевому корпусу моторного судна «Эндрю Барнеби» застучали пули, несколько снарядов попали в иллюминаторы. Двое пассажиров получили сквозные ранения. Еще семнадцать серьезно пострадали в возникшей на борту давке. Паром дал задний ход и поспешил обратно в Нижний Манхэттен.

Позднее три пулевых отверстия были обнаружены в короне и факеле статуи Свободы, однако информации о человеческих жертвах не поступало.

«Бичкрафт» взял курс на запад, к аэродрому Нью-Джерси. Пронзая пелену дождя, он миновал Элизабет и устремился к Ньюарку, крупнейшему городу Нью-Джерси.

Власти в срочном порядке закрыли международный аэропорт Ньюарка, отменив все рейсы.

Телефоны 911 раскалились добела: очевидцы наперебой рассказывали о втором самолете, замеченном на юге Нью-Джерси. Впрочем, как выяснилось, речь шла о том же лайнере.

«Бичкрафт» сбросил высоту и теперь парил в сотне футов над землей. На ярко освещенном перекрестке Нью-Джерси Тёрнпайк, зоркий пассажир автобуса, разглядел на фюзеляже номер и незамедлительно передал сведения в полицейский участок.